

Раздел IV.

Россия в 1990-е гг.: революция без Гражданской войны

Кириллов А. Д.

Об альтернативах развития России в 1990-е годы

По характеру трансформаций экономических, политических и социальных отношений в обществе 1990-е гг. можно вполне сравнить с 1917 — 1920 гг. Как и после февраля 1917 г., в обществе ощущалась социальная напряженность, которая в течение ряда лет могла бы вылиться в гражданскую войну. Однако таковая не началась. Почему? В качестве одной из основополагающих причин можно назвать легитимные выборы президента РФ, а не захват власти сначала либералами, а затем большевиками, как это случилось в феврале — октябре 1917 г. в ходе социально-экономического и политического конфликта между властью и обществом, охватившего российское государство.

Поддержанная широкими массами россиян в ходе выборных кампаний 1989 — 1991 гг. фигура Б. Н. Ельцина позволила на определенный период времени консолидировать общество и обеспечить стабильность власти в России на растянувшийся в 1990-е годы переходный период реформ.

К сожалению, в октябре—декабре 1991 г. года была упущена еще одна возможность укрепления стабильности — не была принята новая Конституция России, что в дальнейшем обострило политическую борьбу в руководстве страны.

В истории России в 1990-е годы можно выделить несколько «точек бифуркации», когда социальные конфликты буквально подводили общество к грани гражданской войны.

К августу 1991 г. стала реальностью необходимость коренной реформы Советского Союза. На 20-е августа готовилось подписание новоогаревского проекта «обновленного устройства СССР» лидерами девяти республик, включая и РСФСР. Но накануне этого события руководящими деятелями КПСС был создан ГКЧП и начался «путч».

Хотя оценки августовских событий расходятся, нельзя не констатировать, как делают это многие эксперты сегодня, — ГКЧП в той или иной форме был неизбежен.

По словам С. Черныховского «если абстрагироваться от политических и идеологических пристрастий,... остается одно: ГКЧП, своим созданием и своими декларациями заявило, что — предыдущий курс, проводимый Горбачевым, зашел в тупик, — Горбачев не способен управлять страной, — страна находится на краю пропасти и нужны чрезвычайные меры для того, чтобы ее оттуда оттащить» (все цитаты в статье приводятся по публикациям в Интернете).

Сходных взглядов придерживается и В. Третьяков. Он, в частности, отмечает: «Самое правильное в нем [т. е. в ГКЧП] — его название. В стране действительно было чрезвычайное положение: Союз, единое государство, на глазах разваливался, а в обществе сложилось полное впечатление, что центральная власть не может никак этому противостоять. Ведущиеся интенсивные переговоры президента СССР Михаила Горбачева с главами союзных республик, и, прежде всего с Борисом Ельциным (так называемый новоогаревский процесс), скорее, не препятствовали распаду, а приближали его...

Поэтому «ввиду угрозы распада страны неизбежно должен был возникнуть Государственный КЧП. Он и возник». Это очень важный вывод, который не часто слышится при оценках основной задачи ГКЧП. Фактически к августу 1991 года СССР в прежнем виде, — в виде унитарного государства, существовать не мог. Новоогаревские договоренности выводили его сразу, минуя уровень федерации, на конфедеративные основы государственного устройства, что несомненно могло затянуть или даже остановить надвигающуюся «геополитическую катастрофу». Во всяком слу-

чае, именно так и планировали свою деятельность руководители РСФСР во главе с Б. Ельциным, предполагая создать вслед за Москвой и Санкт-Петербургом еще несколько центров, где можно было бы отработать механизм проведения демократических реформ на региональном уровне (в Свердловской, Новосибирской областях, Татарской АССР и в некоторых других территориях). Но августовский путч, по сути, определил иной путь, путь ускоренного, до конца не продуманного всестороннего коренного реформирования России в целом.

Большинство россиян к событиям 1991 г. равнодушны, хотя в последнее время их оценки несколько изменились. Как следует из опубликованных результатов опроса аналитического «Левада-центра», в 2007 г. резко уменьшилось число тех, кто оценивает подавление путча как «трагические события, имевшие губительные последствия для страны»... Так, количество тех, кто считает, что в 1991 г. был прав ГКЧП, уменьшилось с 21% в 2002 г. до 8% в 2007 г., а число респондентов, полагающих, что после этого страна пошла «в неправильном направлении», — с 50% в 2005 г. до 37% в 2007 г. В то же время правоту противников ГКЧП признают 17% опрошенных (столько же, сколько и в 2002 г.), а правильный курс в послеавгустовских действиях властей усматривают 28% (с 2003 г. этот показатель колебался между 25% и 30%).

Можно предположить, что многие россияне уже не столько опираются на собственные ощущения того времени, сколько воспринимают давние события через призму текущей политической ситуации. Не случайно в 2007 г. заметно возросло число респондентов, считающих путч «просто эпизодом борьбы» между властными группировками (таких «эпизодов» немало и в современной России), а также количество тех, кто, отвечая на вопрос о причинах путча, выбирает весьма актуальный ответ «алчность советской номенклатуры, стремившейся прикарманить богатства России» (20% после 11% в 2003 г.).

Еще раз выделим главное. Путч был тесно связан с попыткой предотвратить мирный способ «развода» бывших союзных республик, фактически речь шла уже о создании конфедерации, которая, возможно, в перспективе все равно бы распалась, но с менее тяжкими для населения бывших республик СССР социально-экономическими последствиями.

По утверждению Бориса Ельцина, процесс трансформации Советского Союза в СНГ был, безусловно, неизбежен. В конце 80-х, в 90-м и начале 91-го года экономика Советского Союза приближалась к коллапсу. Заканчивались стратегические запасы продовольствия, стремительно надвигался крах финансовой системы государства. «Все это, конечно же, привело и к политическому кризису в стране», — заключил Ельцин, добавив, что интересующимся подробностями происходившего в тот момент в стране «могут в деталях узнать это в фундаментальном исследовании Егора Гайдара «Гибель империи».

Ельцин назвал «полным бредом» попытки «некоторых политиков с короткой памятью» нарисовать странную картину, что «был замечательный, мощный Советский Союз, и вдруг собрались в Беловежье руководители трех национальных республик, подписали соглашения, какие-то бумажки, и после этого могучий Советский Союз развалился». Создавая СНГ, отметил Ельцин, руководители республик пытались смягчить те последствия, которые могли испытать жители бывшего Советского Союза от развала государства.

По словам Кравчука, «...лидеры бывших республик предлагали Ельцину заменить федерацию конфедерацией. Горбачев тогда не согласился. Поэтому и возникло желание — встретиться без Горбачева и обсудить, как дальше жить: федерация валится, а конфедерации не хотят», — цитирует Кравчука агентство УНИАН.

По его словам, когда он, Борис Ельцин и Станислав Шушкевич собрались в Беловежской пуще, «речь о развале СССР не шла». «Мы думали, как сделать так, чтобы под этими развалами не погибли люди, — отметил Кравчук. — Скажу больше, если бы мы не подписали Беловежское соглашение, а применили другой вариант, то могла пролиться кровь».

Как отмечает В. Болдырев, роспуск СССР оказал стабилизирующее воздействие на общую ситуацию в стране... Конечно, Ельцин наивно надеялся на сохранение СССР в новом виде. Но главное-то в другом: по сути, впервые с 1985 г. политики сыграли на опережение кризиса, и это себя оправдало. Что могло быть общего между Прибалтикой, Туркменией, Таджикистаном... кроме общего прошлого. Жизнь показала, сколь различны были менталитеты народов бывшего СССР».

Следовательно, беловежские соглашения явились «важнейшим прорывом, уходом от гражданской войны на этнической почве».

По образному выражению автора посредством их подписания «из kloкочущего котла российских конфликтов и противоречий Борис Николаевич выпустил пар, и взрыва не случилось».

Затянувшийся и недостаточно эффективный характер реформ обусловил глубокий и непримиримый конфликт между исполнительной и представительной ветвями власти, во главе которых стояли Борис Ельцин и Руслан Хасбулатов, (последнему казалось, что вот-вот власть упадет ему сама в руки). В апреле 1993 г. российский народ попытался примирить правящую элиту (президента-правительство и парламент). На референдуме была поддержана социально-экономическая политика Бориса Ельцина и, одновременно, россияне высказались против досрочного роспуска парламента. Но российские элиты вновь не услышали «глас народа» — призыв к согласию и примирению.

В результате конфликтной ситуации конца сентября — начала октября 1993 г. вновь по московской брусчатке, как и в августе 1991 г., прогрохотали танки. Более того, они произвели выстрелы по верхним этажам Верховного Совета РФ. Конфликт, уже всплеснувшийся на улицы Москвы, был исчерпан.

Противники Ельцина до сих пор это событие трактуют однозначно — метафизически как «расстрел российского парламента». Но есть и диаметрально противоположные мнения. В 1993 г. Борис Ельцин, по меткому выражению В. Бондарева, «расстрелял гражданскую войну»

По оценке С. Филатова, «то, что случилось тогда, в конечном итоге оказало существенное влияние на будущее страны. Во-первых, прекратилось противостояние двух ветвей власти — очень опасное с точки зрения его распространения на всю территорию России. Во-вторых, мы получили новую Конституцию, позволившую постепенно, шаг за шагом, ее осваивать. Благодаря ей, ситуация более или менее стабилизировалась. В стране начала работать новая структура власти, позволившая регионам и центру вести более согласованную и конструктивную политику».

В. Болдырев признает, что октябрь 1993 г. являлся трагическим эпизодом современной российской истории. «Нельзя не признать, что попытка депутатов и поддерживавших их людей противостоять курсу Ельцина имела под собой объективную основу — масштаб потрясений и утрат был чрезвычайно велик. И в то же время неужели кто-то до сих пор не понял, что тогда действительно

начиналась гражданская война и подавление её в зародыше спасло страну. В октябре 1993 г. погибли более 150 человек. Но если бы не жёсткие меры — война пошла бы по стране, её жертвами стали бы миллионы. Вероятность масштабной гражданской войны в 1993 г. была чрезвычайно велика, и опыт Югославии, где погибли 2 миллиона, показывает, насколько всё было бы ужасно. Вне зависимости от целей, которые преследовали бы борющиеся стороны.

4 октября 1993 г. танки стреляли по Белому дому. Ельцин заставил армию действовать — что не удалось Керенскому в 1917 г., и Янаеву в 1991 г. Это был расстрел гражданской войны, когда злом воспрепятствовали большому злу. Через два месяца прошли выборы, и страна вернулась к воле».

Выборы президента России в 1996 г. стали новым фактором, сдержавшим развитие общенационального конфликта. Кроме Б. Н. Ельцина, другого человека, который был способен продолжить начатые реформы по объективным или субъективным причинам не оказалось. Два основных его политических конкурента, набравшие в первом туре более половины голосов, Г. Зюганов и А. Лебедь так или иначе выступали за силовой вариант решения накопленных за годы реформ социально-экономических проблем. Другого ресурса у них не было. И россияне это поняли.

Экономический кризис (дефолт) в августе 1998 г. также не привел к вооруженному конфликту. К этому времени население уже адаптировалось к тяготам реформ, нашло формы и способы существования в новых условиях, хотя во многом и не приняло их.

После августа 1998 г. Б. Н. Ельцин усиливает поиск надежной кандидатуры своего преемника, способного продолжить преобразования, не допустить выхода России на путь распада. За два года до выборов через высшие посты государства (Правительство, Администрация президента, Совет безопасности, ФСБ и т. д.) с этой целью было «проведено» около 8 — 10 потенциальных кандидатур. Такая политика Б. Н. Ельцина опиралась на твердо принятое решение не оставаться на третий президентский срок. Не меньшее значение имело и осознание им надвигающейся, по российской традиции в XX в., при смене властного лидера «смуты». И такой человек был им найден. Владимир Путин не только успешно и более эффективно продолжил построение новой демократической России, но и, будем надеяться, окончательно ликвидировал возможность возникновения в стране самого большого зла — гражданской войны.